

Елена Бельцова

Бессмертный марш капитана Ширинкина

Елена Германовна Бельцова Бессмертный марш капитана Ширинкина

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70136032
SelfPub; 2024*

Аннотация

Этот рассказ о ветеранах Великой Отечественной, их воспоминаниях, разочарованиях и надежде. Он был написан под впечатлением от празднования Дня Победы в 2014, когда в Находке впервые состоялось шествие Бессмертного полка. Имена героев вымышлены, однако люди, ставшие прототипами Павла и Антонины Ширинкиных, в Находке действительно жили. Рассказ был опубликован в сборнике произведений победителей литературного краевого конкурса "Автограф на краю земли", Владивосток, 2015 год.

Содержание

Глава 1

4

Глава 2

12

Елена Бельцова

Бессмертный марш капитана Ширинкина

Глава 1

«Их свела война, которая обычно только разлучает, старлея-сибиряка и девочку-репатриантку. Они встретились в Германии, когда Павел Ширинкин – комендант железнодорожной станции в Гёрлице – предложил работу группе освобождённых союзниками и возвращающихся на Родину советских женщин...»

Антонина Николаевна, а последние два десятка лет – просто баба Тоня, оторвала взгляд от газеты, чуть дрожащими пальцами аккуратно сложила её по давнишним, слегка потёртым сгибам, не спеша вложила между страниц старого альбома, знакомо пахнущего въевшейся в полотняную обложку пылью да какой-то химией от многих пожелтевших фотографий, и задумалась о прочитанном.

...В газетах-то писать горазды, слова выбирают красивые, и всё, вроде, правда. А главного – нет. Хотя кому нужно её главное? Кому интересно, что шла она тогда с товарками голодная, завшивленная, боялись всех, особенно солдат. Хоть

город был почти не разрушен, немцев на улицах почти не было, только наши солдаты... И сил, казалось, оставалось лишь до вокзала гёлицкого дойти, откуда их должны были отправить на поезде домой. А состава для остарбайтеров, подростками угнанных в Германию и теперь возвращающихся на родину, надо было дожидаться. А есть, спать где? Пошли сразу к коменданту отметиться: может, довольствие какое будет, опять-таки – защита. Так с Пашей и встретилась. Каким красивым, каким родным он ей показался.

Антонина Николаевна даже потрясла тихонько головой, прогоняя много раз передуманные воспоминания. Только опять расстроишься, как вспомнишь, сколько было радости и надежд, и с чем она под конец жизни осталась.

...Правильно врачи говорят, нельзя жить прошлым, вспоминать без конца одно и то же. Пашу не вернуть. Ни молодость, ни здоровье не вернуть. Даже если время вспять, что б изменилось? Она ж не знала, что встретила его уж пять раз раненого да дважды контуженного, с осколком в теле, который не достать. И здоровья ему хватило лишь до конца войны, и ещё годков на восемь-десять да на Володьку-первенца. А на лёгкую смерть тех ранений да осколка не хватило. Помучился Паша. Оба помучились... Так вышла бы она за него, если б знала, что он весь оперированный да зашитый? Вот дура! Конечно, вышла бы. Он тогда в Гёрлице казался хоть куда! Усталый, но справный, чистый. И видно сразу, что не обидит. Влюбилась с первого взгляда, то ли на него, то ли

на дымящийся котелок каши с мясом. Молодые были, быстрые. У молодых, известно, ума немного, что тогда, что сейчас. Сейчас особенно. Хоть на Вику-соседку посмотреть...

Антонина Николаевна охотно зацепилась за эту новую, но тоже уж не раз передуманную мысль, лишь бы воспоминания о муже отпустили её, унося с собой ощущение беспомощности, жалости к себе и обиды, а вместе с ними пульсирующий шум в голове.

...У этой Вики ума хватило только восьмилетку окончить, это сейчас-то, когда и дураки в институты поступают. Да ещё мальчонку прижить, прости Господи, такой же олух растёт. На Пасху вон кошку зелёной раскрасил, лапы да хвост. Вика в крик – зачем? Он – для нарядности! Она его шлёпать. Он плачет, будто и не знал, что не отмывается. Сорванец! Вот сегодня спозаранку прибежал, просит Пашину фотографию. Велели им на урок карточку деда или какого родственника воевавшего принести. А у пацана в родне и мужика толкового нет: сам безотцовщина, и Вика в интернате почитай всю жизнь без родителей росла. Спасибо, от них хоть квартира в бараке досталась, было куда с пузом прийти. Вот и перебиваются теперь вдвоём с хлеба на квас, много ли продавцом на рынке заработаешь. С мужиками ей не везёт, то один, то другой проживёт немного, и опять одна. Жильё у неё больно незавидное. Опять-таки ребёнок имеется. И она, одно хорошо, пить при нём никому не позволяет. А мужики сегодня ленивые да гордые, не любят, чтобы притесняли. Вот и живёт

одинокой. Даже не хочется в такой некультияпистый дом Пашиных портрет давать. Да мальчонка больно жалостливо просил, учительница ругать будет. Надо дать на пару дней, вернёт...

Антонина Николаевна вздохнула, расправила, насколько могла, закутанную в тёплую кофту да козыю шаль грудь, пошевелила маленькими, вечно зябнущими ступнями, одетыми в толстые носки, которые минувшей зимой собственно-ручно связала из ниток распущенной старой кофты и уже разаккуратно заштопала, и вновь продолжила листать страницы лежащего на коленях альбома. Она искала фотографию мужа в военной форме, сделанную им перед самой демобилизацией в сорок шестом.

...Великий праздник скоро – День Победы. Опять учеников будут по ветеранам посылать, по дому помочь да рассказы про войну послушать. К Паше тоже ходили: как девятое мая подходит, жди делегацию. Паша из всех ветеранов города был единственный, кто орденом Невского награждён. Да ещё один Красной звезды, два Отечественных и медаль «За отвагу». Шутка ли, почти всю войну на передовой, чудом выжил. Его попросят про войну рассказать, он начнёт, да весь затрясётся, заплачет. Тут уж самой приходилось говорить, как его в Германии встретила, какой он бравый был, грудь в орденах. Врут всё, что на фронте награды мало кто носил. Когда же их ещё было носить, если не пока живой? Другое дело, не всем давали, заслужить надо было да ещё

дожить до вручения. Паше вот удалось, хотя всю войну в пехоте, от рядового до заместителя комбата дослужился. Поэтому школьники и приставали с расспросами, как воевал. И никто не поинтересовался, как мы после войны выживали.

...После Пашиной демобилизации поехали из Германии к нему на родину в Новосибирск. К себе-то его везти некуда было, деревню ещё в сорок втором фашисты пожгли, аккуратно перед тем, как всех молодых да здоровых в неметчину отправить. Приехали в Сибирь, но и там жилья не оказалось: вся родня мужнина в старом домишке теснилась. И Паша не сказать, что добычливый был. За награды, правда, ещё несколько лет рублей по десять-двадцать платили. Старыми деньгами, дореформенными. Хотя этих денежных реформ за свой век столько пережили, и не вспомнишь, что как стоило. Однако жилось всегда тяжело. Поэтому завербовались с Пашей на Дальний Восток, в порт Находку. Ехали только заработать, а оказалось – на всю жизнь. И Володенька здесь родился. И радовал их, пока рос.

...А потом – несчастье за несчастьем. Вначале на Пашу во время погрузки с крана свалилась сетка с мукой. На его-то контуженную голову! И так здоровья не было, как только докером взяли?! От травмы он уже не оправился. Начались походы по врачам, да инвалидность, да боли пришли. Мука одна! А Володя опорой никак не становился. Бесхарактерный, к рюмке пристрастился, женщин неудачных выбирал. Семью толком не создал, детей не завёл. Может, и бегал где

от него такой же пацан, как Викин, но никому о том не известно. Оставил Володя родителей без внуков, и не он нас, а мы его в последний путь проводили...

Тут Антонина Николаевна расстегнула нижние пуговицы на кофте, дрожащими пальцами вытащила из кармана байкового халата чистый необмётанный лоскут (старое постельное бельё она никогда сразу не выбрасывала, а постирав, делила на нужные в хозяйстве тряпицы да носовые платки), и стала привычными аккуратными движениями промокать глаза, из которых каждый раз при воспоминаниях о сыне будто сами собой бежали слёзы.

...Не оставил Володя потомства, ни мальчонку, ни девочку. Была бы отрада, помощь в старости. Приводили бы в гости класс перед девятым маем, слушали её рассказы о Паше. Или тоже бы кошек зелёной мазали? Нет, наши были бы толковыми, как дед! Яблоко от яблоньки рядом падает, а про Пашу вон как душевно в газете писали. Хорошая статья, подробно всё перечислили...

Она вновь достала из фотоальбома старый номер «Находкинского рабочего» и вполголоса с выражением принялась читать с помеченной карандашом середины страницы: «Тридцать тысяч километров прошёл по военным дорогам солдат Павел Ширинкин. Его боевой путь говорит сам за себя: Калинин, Смоленск, Ржев, Воронеж, Курская дуга, за бои на которой получен орден Александра Невского, Сумы, Полтава, Золотопожск, Черкасск, Смелый, Корсун-Шевчен-

ковский котёл, Белая Церковь, Умань, форсирование Днестра, Ямполь, Сороки, Яско-Кишиневский котёл, форсирование Буга и Ясс, Бухарест, Закарпатье, Польша, форсирование Вислы, Варшава, форсирование Одера...»

Раньше, когда школьникам это зачитывала, глаза у них горели, выспрашивали и про форсирование, и про котлы. Теперь уж никто не спрашивает. Смоленск или Ржев для нынешних детей – города неслыханные, а Корсун-Шевченковский котёл без смеха, поди, и не выговорят... Давненько её в школу не приглашали. Что поделаешь, возраст. Нароботалась она за свою жизнь, здоровье и растеряла. Семью кормить надо было, Паша-то всё больше болел. А Володя рос, ему многое нужно, не его вина, что отец – инвалид. Вот и приходилось на работе штукатурить-малярить, а в выходные по знакомым хаты ремонтировать. Это уж потом Паше пенсию добавили, когда ветераны почти все поумирали. И сейчас, что Бога гневить, за него хорошо платят. Но здоровья ни за какие деньги не купишь.... Уж который день под лопаткой ноет и в голове шумит. Таблетки сейчас от давления такие делают, что не держат, только дуреешь от них, и спать хочется. Вот и сейчас... Может, на погоду? Хорошо хоть карточку Пашину нашла, надо на стол поставить. Пацан прибежит к вечеру, отдам. Врача что ли вызвать, пусть давление померит, а то даже в глазах темнеет...

– Скорая? Это вдова участника войны Ширинкина Антонина Николаевна. Восемьдесят пять лет. Минская, 32, третья

квартира. Плохо мне, сердце болит, врача бы. Нет, встречать некому. Дверь не заперта.

...К старым не больно-то врачей посылают, правильно про участника сказала. Перед праздником побоятся не приехать. Так вот ты, Паша, и оттуда мне помогаешь...

Мутнеющим зрением она нашла белое пятно прислонённой к вазочке на столе мужней фотографии. Изображение на ней начало расплываться, стало трудно дышать, и подумалось: «Скорая-то где?»

Глава 2

На День Победы Антонина Николаевна отпросилась из больницы домой: помыться да постираться.

Капельницы в праздники не делают, а таблетки она и сама принимать может. Да надо поглядеть, что за подарки из администрации города передали. Вика на днях навестила, сказала, что из совета ветеранов заходили, продуктовый набор хороший принесли, она всё в холодильник убрала, да ещё в магазинных коробках что-то небольшое, посуда какая или что для кухни. Не больно оно и надо, но приятно.

День был хороший, солнечный. Она открыла фрамугу пластикового окна, ярким пятном украшавшего чёрные стены оббитого вагонкой деревянного двухэтажного барака. Во дворе желтели кусты форзиции, распускались розовые бутоны приморской сакуры. Свежая зелень травы, украшенная яркими головками одуванчиков, скрывала окурки и другой мелкий мусор, ещё недавно портивший вид из окна. Бабе Тоне казалось, что тёплый сквозняк приносит аромат цветов и молодых листьев, со дня на день ожидающих рождения в набухших почках ближайших тополей. Она слышала жужжание пчёл, радостно снующих с цветка на цветок.... Или это в ушах шумит? Надо прилечь....

По телевизору повторяли праздничный митинг на Находкинском проспекте.

До московского парада ещё два часа, а во Владике уже прошёл. Надо городской посмотреть, знакомых кого увидеть... Как всегда власть поздравляет, глава. Вечно повторяют одно и то же... А председатель ветеранов, Александр Васильевич, начал говорить, да не смог, видно дух перехватило. Совсем сдал, а помладше меня будет. Вот кадеты с венками, выдумали тоже, детей, как в прежние времена, в форму одевать. Стараются, маршируют, красиво, конечно. А это кто идут с портретами? Написано, какой-то бессмертный полк. Чьи портреты-то? Батюшки-святые... Паша!

Она приподнялась с дивана, дрожащей рукой нащупала на табуретке у изголовья очки и, надев, прильнула к экрану телевизора. За транспарантом с надписью «Бессмертный полк» в первом ряду в нарядной белой рубашке шёл Викин пацан. В руке он нёс белый шест, а на нём – большой Пашин портрет, сделанный с фотографии, оставленной перед больницей на столе. Павел Ширинкин, молодой, здоровый, грудь в орденах, победно возносился над притихшей человеческой толпой, а серьёзный маленький школьник, сжимая побелевшими кулаками древко, направлялся к Вечному Огню в плотном строю несущих портреты взрослых и детей.

Когда с экрана исчезло Пашино лицо, и сюжет переключился на возложение венков, Антонина Николаевна, уже не пытаясь найти носовой платок, легла потяжелевшим затылком на подушку и прикрыла веки мокрых глаз. Она была словно оглушённая и, казалось, ни о чём не думала. Но по-

степенно мысли стали возвращаться и принимать привычное ворчливо-скептическое направление.

...Вика-то что учудила: ребёнка в начале мая в одной рубашке на улицу отправила. И что, что солнце? Там в центре ветер с моря в любую погоду свежий. Бронхита давно не было? Поддела под рубашку какой-то свитерок. И в куртке все бы заметили, что ребёнок одет празднично, только по погоде! А пацан, ишь ты, своего деда нет, нашего взял... Ничего, если кому скажет, что дед родной, Паша бы не обиделся. Надо мальчика угостить, пирожков, что ли, к вечеру напечь? Да пусть фрукты у меня заберёт, вон сколько нанесли. А то у Вики, поди, ребёнка вкусеньким побаловать и нет ничего, сникерс когда сунет, только зубы портит. Что ж она ему куртку не дала? Может, нету, вырос из старой? Самой купить ему, что ли? Где он там? Во дворе, как всегда, бегает?

Антонина Николаевна встала, подошла к окну, плотно прижала к раме верхнюю часть откинутой фрамуги, аккуратно вернула ручку в исходное положение, старательно повернула по горизонтали и только затем открыла настежь створку окна. Викин пацан, одетый в растянутый свитер и коротковатые джинсы, чертил что-то деревянной щепкой на вытоптанном участке земли между двух деревянных скамеек. Он лежал поперёк ближайшей из них, свесив до земли ноги с одной стороны, а с другой – упираясь ладонью выпрямленной руки в тёплую, хорошо утрамбованную почву. Кошка с ещё не окончательно вылизанными зеленоватыми лапа-

ми тёрлась о худенькие прутики ног, выглядывающие из задранных штанин.

– Костик, внучек, зайди ко мне! Чем угощу!

Мальчишка живо повернулся на голос, проворно поднялся со скамейки и поспешил в гости к Антонине Николаевне...

Находка. Апрель 2015